



ОКОПНАЯ ПРАВДА

РОМАНЫ, НАПИСАННЫЕ ВНУКАМИ ФРОНТОВИКОВ

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

**ОДИН СРЕДИ
«ТИГРОВ»**



МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Зверев, Сергей Иванович.

3-43 Один среди «тигров» / Сергей Зверев. — Москва : Эксмо, 2025. — 288 с. — (Окопная правда Победы. Романы, написанные внуками фронтовиков).

ISBN 978-5-04-225949-4

Летом 1943 года немцы попытались взломать нашу оборону под Курском, но Красная армия стояла насмерть. Группе фашистских танков все же удалось прорвать линию обороны и напасть на штаб и обозы. Для ликвидации прорыва срочно формируется танковый отряд под командованием лейтенанта Алексея Соколова. Он опытный танкист и понимает, что большими силами атаковать противника нельзя: немцы засекут передвижение и уйдут из-под удара. Нужно действовать скрытно, из засады. Поначалу план Соколова срабатывает: он уничтожает немецкие танки один за другим. Но неожиданно ситуация меняется. Экипаж Алексея остается один против нескольких «тигров»...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-225949-4

© Зверев С., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ГЛАВА 1

— Ну, давай, Алексей. — Комбат обнял Соколова, потом отстранился, как обычно, заглядывая ему в глаза, и хлопнул по плечу. — Уверен в тебе, не подведешь. По прибытии доложи лично командиру Островерхову.

— Не подведу, Василий Осипович! — Алексей улыбнулся. — Пока мы живы, враг не пройдет!

Это были простые и даже в какой-то мере привычные слова, вроде ритуала. Сколько месяцев уже Соколов в составе своего батальона сражался с фашистами? И в отрыве от батальона... И комбата Никитина он знал уже больше года. Невысокий, коренастый, энергичный, он всегда и во всем был примером для своих танкистов. Соколов не раз слышал шутки, повторяемые за комбатом, и в разговорах частенько проскальзывали его характерные выражения.

А сколько раз Соколов наблюдал такое: вымотанные долгими маршами танкисты прибывают

на позицию и начинают из последних сил рыть танковые окопы. Кажется, что сил не осталось совсем, многим хочется просто упасть и закрыть глаза, не думая ни о чем. Но тут появляется комбат. Веселый, резвый, как будто и не было ни тяжелого боя, ни марша по бездорожью, ни двух бессонных ночей. И сразу у людей загораются глаза — от каждой шутки комбата, от его теплого слова. Посмеиваясь, комбат берет лом или штыковую лопату и начинает копать наравне с экипажем. И дело спорится. Он переходит от окопа к окопу, подбадривает каждого, хвалит и беззлобно подшучивает над теми, кто уже не держится на ногах. И у людей открывается второе дыхание.

А еще майора Никитина танкисты боготворили за то, что он воевал и командовал умело. В его батальоне было меньше всего потерь. В бою он находил выход из самых безвыходных ситуаций и необычные, непредсказуемые для врага решения. Он первым бросался туда, где было труднее и опаснее всего. Ротные и взводные командиры хорошо знали тот самый взгляд комбата, когда он давал сложное задание, а потом бросал этот самый взгляд в глаза командиру подразделения, будто хотел разглядеть самое важное. Готов командир, понял задачу, дух его силен — значит люди за ним пойдут. Этот победит и не отступит. И всегда хотелось в ответ на взгляд Никитина ответить собственным уверенным взглядом, рас-

править плечи и бодро отрапортовать, что приказ будет выполнен.

В роте Соколова оставалось всего восемь машин, включая его командирский «Зверобой». Увидев спешащего ротного, командир первого взвода старший лейтенант Звягинцев приказал экипажам построиться и вышел вперед с докладом. Но Алексей остановил его и велел встать в строй.

Говорить много не стоило. Каждый танкист понимал обстановку на фронте, каждый рвался в бой и знал, что сегодня утром они отправятся поддерживать стрелковые части. Машины готовили на совесть, старались выполнить свою работу как можно лучше. Поэтому Соколов поставил обычную задачу на марш и порядок следования машин. Но в конце он все же решил добавить:

— Товарищи, бои будут серьезные. Враг никак не смирится с тем, что теряет инициативу. Красная Армия становится сильнее, у нас появляется много новой техники и вооружения, растет мастерство. Но это не значит, что нам будет легче воевать. Враг будет сражаться как бешеный, он озлобился, что его планам не суждено сбыться. Наша задача — выстоять в любых условиях и продолжать уничтожать фашистов.

Танкисты отправились заводить машины, в последний раз проверять моторы, боеприпасы, оружие.

Соколов подумал о тех словах, которые только что вырвались у него перед строем подчиненных. Ведь он и о себе говорил. Сейчас, по истечении двух лет войны, он идет в бой с другими чувствами, не как в июне 41-го. У него прибавилось уверенности в себе и в своих командирах. Два года назад он бросался в бой, как в последний раз. Да так и было, потому что в тех боях потери были просто невыносимыми. И хоть Алексей был уже опытным командиром, настоящая война ему не была еще привычна, странно было видеть столько смертей и столько горя.

Сидя в люке «Зверобоя», Соколов думал о войне и о своих товарищах. О том, сколько он уже потерял друзей и какие потери несла его рота. А ведь чувствовалось, что вот-вот в войне наступит перелом. Фашисты теряли темп, все чаще переходили к обороне, а Красная Армия становилась все сильнее. Сколько уже нанесено ударов, которые враг не смог выдержать! И под Ржевом, и до этого под Сталинградом... Еще немного, и погоним его назад! И тогда, если повезет, танки роты Соколова войдут в белорусский городок Мосток. И тогда, может быть, он увидит на улице, среди встречающих родную армию жителей городка, Олю. Как же Алексею этого хотелось! Именно вот так, сидя на броне, увидеть ее, и чтобы она увидела и узнала его...

Пушечный выстрел прогремел над лесом. Соколов сдвинул шлемофон на затылок и при-

слушался. Точно, орудийный выстрел. И тут же ударили еще несколько, один за другим. А ведь до передовой, куда следовала колонна Соколова, было почти сорок километров. Вытащив из планшета карту, он развернул ее перед собой на краю люка. Вот рокада, по которой идут его танки, а вот изгиб линии фронта на юго-западном фесе. Лесной массив с обилием просек и грунтовых дорог немного не доходит до шоссе. Звуки боя могли означать появление немецкого десанта, хотя Алексей не слышал после 41-го года, чтобы немцы выбрасывали парашютистов для решения тактических задач. Но тогда остается думать, что в советский тыл прорвалась вражеская часть.

— Внимание всем, я — «Зверобой». К бою! Атакуем с ходу! Делай, как я!

Бабенко свернул с шоссе. Танк «клюнул» стволом вниз, съехал на грунтовку и снова набрал скорость. Алексей оглянулся и стал наблюдать, как три взвода танк за танком съезжали на лесную дорогу. Не видя боя, не зная, сколько немцев оказалось в тылу, Соколов тем не менее решил, что, скорее всего, вражеские танки атаковали колонну на дороге. Значит, двигаясь по лесной дороге, а потом по квартальной просеке свернув вправо, он кратчайшим путем выведет свои танки прямо в тыл врага.

— Василий Иванович, — переключившись на связь ТПУ, позвал Соколов наводчика Логуно-

ва. — Выйдем на открытое пространство и замрем на месте. Если там вражеские танки, то первые три бей только бронебойными. Немцы не сразу должны понять, что их атаковали с тыла. Главное — в первые минуты боя нанести как можно больше потерь. А потом, когда рота развернется для атаки, выберешь цели и будешь бить по ним фугасными — они дают много шума и огня.

— Понял, командир, — отозвался Логунов.

Танки шли по лесной дороге, выдерживая дистанцию в 50 метров. Соколов, сдвинув шлемофон с одного уха, прислушивался к звукам боя, которые становились все громче. Теперь он различал и винтовочные выстрелы, и пересыпь пулеметных очередей. Били и наши «Максимы», и немецкие MG. Молодой командир понимал риски для своего подразделения. Докладывая по рации комбату, что впереди, по пути следования роты, идет бой, он здраво оценивал ситуацию. Наверняка фашистов больше, и у них не только численное преимущество. Соколов даже не представлял, с какими силами он сейчас столкнется. Но важно было другое: враг прорвался в тыл советских частей, он атаковал, и там гибнут советские люди. Врага нужно остановить и уничтожить. И его танкисты сделают все возможное. Если надо, то и умрут. Но враг дальше не пройдет.

«Зверобой» первым вырвался на открытое пространство на опушке леса. И то, что увидел

Алексей, заставило его стиснуть зубы от гнева и ненависти к врагу. На шоссе горели грузовики, лежали тела убитых красноармейцев и лошадиные трупы, перевернутые гужевые повозки, полевые кухни. Все это было разбросано в беспорядке. Немцы атаковали неожиданно, это было ясно. Горели три танка «Т-20». Еще несколько машин отошли за насыпь и маневрировали, били по немцам.

Но самым впечатляющим было другое. Путь вражеским танкам, которых Соколов насчитал около тридцати, преграждали два советских «КВ». Один, похоже, с поврежденной ходовой частью, стоял неподвижно, его башня поворачивалась, орудие посылало снаряд за снарядом. Искры летели от брони, когда в нее попадали немецкие бронебойные снаряды, но танк жил и продолжал стрелять. А второй «КВ» маневрировал и постепенно смещался влево от дороги, не давая атакующему врагу подойти к колонне с тыла.

Соколов мгновенно охватил опытным взглядом все поле боя. Несмотря на внезапность атаки и потери в колонне, немцам так и не удалось подойти и уничтожить обороняющихся советских солдат. Пять фашистских танков стояли в поле неподвижно, два при этом горели. Еще около тридцати немецких машин пытались обойти дорогу справа и слева, но два советских «КВ»

держали их своими пушками на приличной дистанции чуть меньше километра. Несколько бронетранспортеров, изрыгая пулеметный огонь, пытались подойти к дороге, прикрывая автоматчиков, но немецким солдатам, намеревавшимся добраться до поврежденного «КВ», это сделать не удавалось.

— Огонь! — приказал с ледяным спокойствием Соколов.

Через несколько секунд стоявший на опушке «Зверобой» выстрелил. Первым же снарядом Логунову удалось поджечь фашистский танк, попав ему в моторный отсек. Рядом выходили из леса и вставали в ряд другие танки роты, каждый тут же открывал огонь. Через несколько минут остановились и начали дымить девять вражеских машин. И только тогда немецкий командир понял, что по его танкам бьют не с дороги, а с другой стороны.

«Тридцатьчетверки», взревев двигателями, пошли вперед. «Зверобой» и три танка первого взвода продолжали бить бронебойными, остальные стреляли осколочно-фугасными по пехоте фашистов, по бронетранспортерам, усиливая панику, создавая огненный хаос. Мощный «КВ» и четыре «Т-20», вывернувших из-за насыпи на шоссе, тоже пошли в атаку. За ними стали подниматься красноармейцы, над полем поднялся мощный многоголосый клич «ура!».

Два снаряда угодили «Зверобой» в башню, но наклонная броня выдержала, только искры полетели. Пулеметы «тридцатьчетверок» били по врагу не переставая. Огненный фонтан взрыва опрокинул на бок немецкий бронетранспортер, Еще один вспыхнул, как факел, и от него стали разбегаться объятые пламенем фашисты. Многие полегли под гусеницами советских танков, и их дымящиеся обезображенные трупы остались позади.

Полтора десятка немецких танков сумели отойти к лесу и скрылись, уйдя на максимальной скорости по лесным дорогам. Соколов переключился на внешнюю связь.

— «Зверобой», я — «Двенадцатый»! — услышался голос Никитина. — Доложить обстановку!

— «Двенадцатый», враг силами батальона танков и двух батальонов мотопехоты атаковал колонну на шоссе. Мы успели вовремя, атака отбита. Враг понес существенные потери в танках, пехота полностью уничтожена. До полутора десятков танков ушли в лес в юго-западном направлении. У меня поврежден один танк, чиним его своими силами. Разрешите преследовать врага?

— Отставить, «Зверобой». Выполнять основную задачу. Ваш район блокируется силами танкового корпуса. В воздух поднимаются штурмовики.

— Есть, «Двенадцатый». Понял вас, выполнять основную задачу.

Отключившись, Соколов выбрался из люка на броню танка и увидел, что к «Зверобою» подлетела запыленная «Эмка». Из машины показался подполковник с забинтованной левой рукой, на бинтах проступила свежая кровь. Подполковник сдвинул фуражку на затылок и посмотрел на Соколова.

— Ну, танкист, не знаю уж, каким богам молиться, может, и тебе самому. Спас, лейтенант, просто спас колонну!

— Да я-то что, — улыбнулся Алексей, прыгнув с брони и пожав руку подполковнику. — Сюда танковый корпус идет, им все равно конец. А спасли вас вот те два «КВ». Они основной удар выдержали.

— Это точно! — Лицо подполковника помрачнело. — На одном насчитал двадцать восемь попаданий бронебойных снарядов. Еще немного, и раскатали бы нас здесь. Спасибо тебе, лейтенант, спасибо от всех, кто выжил. Давай, двигай по своим делам, а мне колонну надо собирать. Я ведь теперь там самый старший по званию.

Соколов подошел к экипажу, чинившему гусеницу. Командир танка, молодой сержант, вытянулся и принялся докладывать о состоянии машины, но Алексей остановил его.

— Торопитесь, через пятнадцать минут рота должна двинуться в соответствии с приказом.

— Успеем, товарищ лейтенант, — бойко отозвался танкист.

Соколов посмотрел в поле, где по его приказу несколько танкистов осматривали убитых немцев и поврежденную вражескую технику. И вдруг он осознал, что возле подбитого бронетранспортера что-то случилось. Его ребята схватились за автоматы, а потом под руки выволокли из-под обломков человека, судя по форме, офицера. Пока пленного вели к командиру, Алексей сумел разглядеть, что это немец. Невысокий, с тонкими губами и орлиным носом. Но сейчас этот человек не выглядел орлом. Лицо офицера выражало растерянность и недоумение. По поводу чего он недоумевал? Удивился, что его захватили в плен? Или что русские не разбежались, побросав оружие и технику? Нет, подумал Соколов, приглядываясь. Не растерянность, не досада и не разочарование написаны на лице фашиста. А страх. Боится немец, очень боится, что распаленный боем, понесший большие потери русский командир прямо здесь, возле дороги, шлепнет его в кустах со злости.

— Вот, товарищ лейтенант, живой оказался, — доложил заряжающий из первого взвода, тыкая стволом «ППШ» пленного под ребра. — Идем, а

он там шевелится, кашляет. Приложило его крепко, видать.

Танкисты быстро обыскали пленного. Кобура на его ремне оказалась пустой. Наверное, когда подбили его бронетранспортер, офицер потерял свой пистолет. В карманах у немца, кроме документов, почти ничего не оказалось, лишь сигареты, зажигалка, носовой платок и наручные часы с разбитым стеклом. Соколов открыл удостоверение и вслух зачитал:

— Гауптман Карл Тапперт.

Немец опустил голову. Нацеленные ему в живот автоматы не внушали оптимизма. Наверняка этот гауптман ожидал, что русский молодой командир просто махнет рукой, типа «не нужен», и прямо возле ближайшего танка его пристрелят и бросят распухать и гнить. Он и сам так не раз поступал с пленными русскими — просто отмахивался небрежно и раздраженно, и тех отводили в сторону и убивали. Просто так, чтобы не заниматься конвоированием, не выделять для этого солдат, не отправлять пленного в штаб. Лишние заботы никому не нужны.

— Гауптман Тапперт, — по-немецки заговорил Соколов. — Вы командир пехотного батальона, который участвовал в этом бою. Какова цель прорыва в наш тыл вашей группы?

— Разведка, — нехотя ответил немец. — Определение ваших сил, системы обороны, поиск слабых мест.

— Ваша задача — нападение на небольшие подразделения Красной Армии и штабы и захват пленных?

— Да, именно так.

— Где находится место прорыва? Как вы прошли в наш тыл?

— В десяти километрах южнее селения Ново-Беляево, — помедлив, ответил пленный. — Ваши части пошли в наступление, а нашу группу оставили на фланге полосы наступления. Мы сбили боевое охранение и ушли к вам в тыл. На общем фоне нашего прорыва никто не заметил, нас не преследовали. Назад мы должны были прорываться в районе Шебекино или в другом месте на усмотрение командира, в зависимости от ситуации. Но нам велели не спешить с возвращением.

Последнюю фразу немец проговорил тихо и после длительной паузы, как будто не хотел признаваться, но все же решился. Соколов догадался, что немец будет выторговывать себе жизнь. Если его не пристрелят здесь, на поле боя, то когда его передадут в штаб, там точно расстреливать не станут.

— Не спешить? — переспросил удивленный Соколов. — Как долго вы собирались воевать в нашем тылу без поддержки основных сил вермахта? Мы разбили и фактически уничтожили вашу группу ударом всего одной танковой роты! На что рассчитывало ваше командование?

— На всеобщее наступление, — тихо ответил гауптман и выразительно посмотрел в глаза русскому командиру.

— Какое наступление? — с нажимом спросил Алексей. — Отвечайте, черт возьми! О каком наступлении идет речь?

— Операция «Цитадель». На этом участке фронта силами войск группы армий «Юг» должен быть нанесен удар на южном фланге обороны ваших войск в районе Курска и охватом с севера войсками группы армий «Центр».

— Что?! — Соколов уставился на немца, не понимая, то ли поверить ему, то ли отнестись к его словам как к попытке вымолить себе жизнь.

Ситуацию на Курском выступе Алексей примерно знал из совещаний и из рассказов комбата. Мысль о том, что немцы могут предпринять такой план, напрашивалась сама собой — слишком уж заманчиво наши войска расположились с точки зрения охвата, окружения и уничтожения. И если верить этому гауптману, тогда объясняются и попытки проведения таких вот рейдов, разведок боем с целью выяснения готовности советских войск к обороне на важных направлениях. А если не готовы? Если немцы успеют первыми? Снова катастрофа, как в 41-м, и опасность для столицы?

— Омаев, связь! — крикнул Соколов. — Пленного — на броню! Приготовиться к выходу!

В штабе стрелковой дивизии, обороняющей участок фронта в районе Малахова, собрались представители 5-й танковой армии и штаба фронта. Соколов сильно волновался. И не потому, что робел перед старшими по званию. Он очень боялся услышать, что советская армия не готова, что немцы русских опередили и что нужно теперь лечь костями, остановить врага голыми руками, любой ценой, во что бы то ни стало. И еще больше он боялся услышать слово «отступление». Услышать и не сдержаться, крикнуть в лицо генералам, что они второй год воюют, а так и не научились стратегически мыслить...

Но совещание проходило совершенно в другом направлении и с другими интонациями. Всего в кабинете собрались восемь полковников и один генерал-майор, не считая Соколова, пленного немца и, конечно же, переводчика. Командир дивизии полковник Островерхов коротко доложил, что сегодня утром недалеко от села Воскресенск произошел бой с прорвавшейся немецкой моторизованной группой, усиленной танками. Понесли потери маршевая колонна и тыловые службы 134-го стрелкового полка и 86-й танковой бригады. Но в целом эти потери не повлияют на систему обороны на участке дивизии.

— Какая это по счету группа, Дмитрий Павлович? — спросил генерал.

— Третья за последнюю декаду. В среднем попытки прорваться в наш тыл и провести разведку боем немцы предпринимают раз в три дня.

— А на участке соседей? — генерал повернулся к командиру корпуса полковнику Сергиенко.

— За последнюю неделю уничтожены две такие группы, товарищ генерал.

Соколов слушал и терялся в догадках. Оказывается, немцы регулярно и весьма настойчиво пытаются самыми активными способами прощупать советскую оборону! В голове молодого лейтенанта складывалась стратегическая картина немецкого наступления. А командование сидит и считает количество немецких групп...

Генерал выслушал доклады командиров, кивая с довольным видом. Потом он поднялся, велел увести пленного немецкого офицера и подошел к стене, где висела карта Курского выступа без каких бы то ни было пометок, указаний позиций и наименований частей и подразделений. Просто схематичная карта линии фронта по состоянию на 1 июля 1943 года.

— Разрешите, товарищ генерал!

Алексей поднялся со своего стула, откашлялся и одернул под ремнем гимнастерку. Командиры с интересом посмотрели на молодого танкиста.

— Да. — Генерал обернулся и кивнул. — Вы что-то хотели добавить, товарищ лейтенант?